

12. Doise W. Social representations in personal identity / W. Doise // Social identity : International perspective / S. Worchel, J. F. Morales, D. Paez, J. De-schamps and eds. – N. Y. : Sage Publ., 1998. — P. 13-25.
13. Jenkins R. Social identity / R. Jenkins. – L. : Routledge, 1996.
14. Turner J. The experimental social psychology of intergroup Behavior / J. Turner // Intergroup Behaviour / J. Turner, H. Giles. – Oxford, 1981. – P. 66-101.

Полуянов В.П.

УДК 130.1

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА СОЗДАННАЯ ЧЕЛОВЕКОМ О ВЕЧНОСТИ

Актуальность. Исследование обусловлено необходимостью осмысления проблемы человека о вечности.

Цель работы. Определить и раскрыть особенности понятий бессмертия, преодолеть страх смерти, протест жизни против смерти, разума и объективных законов мироздания, воля не умирать и не уйти в небытие.

Практическая значимость. Разработка и конкретизация ключевых категорий как вечность, смерть, разум, жизнь, воля с точки зрения диалектики.

Научные исследования. Работа посвящена исследованию о вечности человека, преодолении страха смерти, протест жизни против смерти, разума и объективных законов мироздания, воля не умирать и не уйти в небытие, а также процессы, которые происходят в обществе.

Задачи. Рассматриваются вопросы о нежелание смириться с неотвратимой судьбой человека из мрака через свет снова во мрак, из небытия снова в небытие с нераскрытой тайной о том, откуда он пришел, каковы его удел и предназначение и куда держит путь.

Научная новизна состоит в том, что продемонстрирована значимость подхода исследования о символической формуле вечности человека с преодолением страха смерти, протеста жизни против смерти, разума и объективных законов мироздания, воле не умереть и не уйти в небытие, процессах происходящих в обществе, а также дано осмысление, позволяющее глубоко их раскрыть.

Для древних мыслителей вечность представлялась как неподвижная, неизменная и всегда самому себе равная данность. Парменид был одним из первых философов, который «отказал миру» в его временной составляющей. Он утверждал, что бытие в своей основе является единым и неизменным, следовательно, вневременным. Платон, следуя Пармениду, противопоставлял «вечность» «времени» и представлял истинную, – идеальную, – действительность во вневременных формах, как неизменное бытие мира эйдосов. Как говорил Платон в «Тимее», «Вечность – это то, о чем нельзя сказать, что оно было или будет: то, что просто обладает бытием. Здесь нет ни прошедшего, ни будущего. Вечность пребывает в Едином» [11].

Парменидово–платоновское противопоставление времени и вечности получило дальнейшее развитие у Плотина и неоплатоников. Плотин считал, что вечность и время – понятия не тождественные. Вечность должна быть целостным, но многообъемлющим понятием, иначе она по природе своей должна быть признаком, свойственным потустороннему миру. Комплекс многообразных сил составляет умопостижимый мир и дает вечность в форме жизненного процесса. В процессе проявляется все одновременно, обнаруживает себя во всем, не меняя своих форм во времени и охватывает их высшим единством. Единство не меняет своего характера во времени, в котором все концентрировано вокруг одного пункта и оставаясь на одном месте, всегда живет в настоящем. В будущем не скрывается и не может отойти в прошлое, а вечно существует в неизменном виде. Таким образом, Плотин сделал вывод, что к вечности «не применимы категории ни прошедшего, ни будущего, а только категории настоящего, которое является бытием в полном покое без всяких предстоящих или уже состоявшихся переходов в мир будущего» [12].

Неоценимый вклад в разработку понятия времени внес бл. Августин. Рассматривая время как взаимосвязь помнящей, созерцающей и ожидающей души, он считал, что время существует лишь в духовном мире человека, который склонен разделять его на прошлое, настоящее и будущее. Однако утверждал он, что нет ни прошлого и ни будущего. Прошлое уже нет, будущего еще нет, существует лишь настоящее. Можно говорить о настоящем прошедшего, настоящем настоящего, настоящем будущего. Настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – это ожидание [1]. Отвечая на вопрос, почему мир не был сотворен раньше, бл. Августин утверждал: никакого «раньше» вообще не могло быть, поскольку время было создано вместе с миром. По его мнению, первый миг времени совпал с первым мигом Творения: не во времени, но вместе со временем началось Творение. К Богу, существующему вне времени, неприемлемы понятия «раньше» и «позже». У Платона – Плотина – бл. Августина вечность предстает как вечное, самому себе равное настоящее, у которого нет и не может быть прошлого и будущего. Вечность есть чистое настоящее, а также безраздельное наслаждение бесконечностью. Человек и социальный мир, которые имеют историю, по своей природе не могут и не желают принять такое понимание вечности и времени.

Время, как человек понимает и воспринимает, представляет собой цепь: прошлое – настоящее – будущее и начало – процесс – конец.

Известные человеку вещи имеют пространственно–временной способ существования. Относительно к мирозданию вечность можно рассматривать как бесконечно протекающее время одновременно в прошлое и будущее. Выражение Платона «время – движущийся образ вечности» следует трактовать так: время погружено в вечность, а сама вечность соткана из пребывающего в вечном и бесконечном движении

времени. Другими словами, вечность складывается из бесконечных верениц и большого количества временных отрезков.

Время представляет собой некую символическую структуру, созданная человеком, чтобы совладать с безмерностью космического времени и быстротечностью людской жизни. А. Бергсон писал: «Вселенная длится... Мы чувствуем нашу эволюцию и эволюцию всех вещей в чистой длительности» [4]. Жизненный порыв разворачивается во времени и он невозможен вне её. «Ведь наша длительность не является сменяющимися друг друга моментами: тогда постоянно существовало бы только настоящее, не было бы ни продолжения прошлого в настоящем, ни эволюции, ни конкретной длительности. Длительность – это непрерывное развитие прошлого, вбирающего в себя будущее и разбухающего по мере движения вперед. Но если прошлое растет беспрерывно, то оно и сохраняется бесконечно» [5].

А. Бергсон утверждал, что сохранение прошлого исключает возможность дважды пережить одно и то же состояние при допущении одинаковых обстоятельств, поскольку в новый момент истории, не способны обеспечивать повторение глубинных характеристик какого-либо прошлого феномена.

Суть данной идеи применительно к социально-историческому миру состоит в том, что все происходящее в нем совершается один раз и никогда больше не повторяется.

Человек и общество существуют во времени. Они имеют не только пространственное, но и временное измерение. В Екклесиасте сказано: «всему свое время, и время всякой вещи под небом». Существуют две ипостаси времени: циклическое время как последовательность повторяющихся событий и линейное время как однонаправленное поступательное необратимое движение. Линейно протекающая расчлененная длительность составляет неотъемлемое свойство жизни.

Социальное и историческое время при всех изменениях в календарях пребывало в некоем застывшем, летаргическом состоянии. Оно совпадает с геологическим временем и ничто не способно помешать его размеренному, неспешному ходу.

В человеческом восприятии социальное время существует всегда и зависит от его осмысления. Символическое выражение время всегда формулируется коллективно. Э. Дюркгейм убежден в том, что все члены общества имеют общее временное сознание.

Разрешение загадки времени было сопряжено с раскрытием значения слов «прошедшее», «настоящее» и «будущее» с их неумолимой необратимостью. Оно постигается как движение от прошлого к будущему через настоящее. Категория «пространство – время» в равной мере относится к природному и социально – историческому миру.

При эволюции мироздания был случай разрыва симметрии в момент возникновения Вселенной. Время приобрело направление и стало необратимым. Впервые утвердилась идея так называемой «стрелы времени», заключавшей в себе признание динамичности, необратимой направленности, неповторимости и энтропийности общественно – исторических феноменов и процессов. Время движется только в одну сторону – вперед, оно необратимо и ему нет пути назад. И. Пригожин и И. Стенгерс подчеркивали: «между временем и пространством существует коренное различие. Мы можем передвигаться из одной точки пространства в другую, но не в силах повернуть время вспять. Мы не можем переставлять прошлое и будущее» [13].

Таким образом, в социальном мире необратимость и случайность являются не исключением, а общим правилом. Человеческое сообщество является сложноорганизованной системой и ей нельзя навязывать установленные пути их развития. Для них существует большое количество альтернативных путей развития.

Модели социального и экономического развития, устаревают настолько быстро, что человек не поспевает за ними. Смыслом научно-технологического и социального прогресса стал выигрыш времени. Проблема заключается в растущей нехватке времени, которое постоянно сжимается. Для компенсации приходится постоянно ускорять темп жизни. Настоящее быстро устаревают, время теряет непрерывность и становится хаотическим чередованием не связанных между собой отрезков. На смену понятиям потока и длительности приходят категории сиюминутности и точности.

Германский политический философ Г. Люббе ввел понятие «сокращение настоящего». По мере возрастания количества инноваций в единицу времени уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих отношениях уже устарело и поэтому для нас стало чужим и даже непонятным. Это означает также «прогрессирующее уменьшение числа лет в будущем, по прошествии которых нам суждено попасть в жизненные отношения, существенно отличные от нынешних» [9]. Такое сокращение связано с увеличением скорости устаревания культуры, растет число элементов, принадлежащих к настоящему и в то же время ставших достоянием вчерашнего и позавчерашнего дня.

Во все времена человеческой истории только Бог был вездесущ, он мог быть одновременно везде и всюду, не ограничен ни временем, ни пространством, ни физическими, погодными, сезонными и иными условиями. С учащением пульса планеты ускоряются темпы перемен во всех сферах жизни.

Человек с помощью электронных средств массовой информации приобрел способность находиться одновременно в разных местах и быть участником событий, происходящих далеко за пределами своего фактического присутствия. Произошло своеобразное выравнивание времени в различных точках планеты. Этот фактор сопряжен непредсказуемыми последствиями для судеб человечества.

Необратимость времени сопряжено с энтропией, под которой понимается убывание энергии, лежащей в природе и каждой из его составляющих. Аристотель обозначил энергию «энтелехией».

Он считал ее как, внутренняя энергия, заложенная в самом бытии и понуждающая его к обретению формы, реализации заложенных в материи потенциалов, своей сущности и смысла [2]. Она не исключает

влияние трансцендентных факторов. Ее характеристика стала первичным актом творения и определяющим фактором отделения бытия от небытия.

Эту силу можно определить как духовную стихию, которая служит базовой инфраструктурой принципа самоорганизации и самосохранения общества и является движущей основой его динамики. Следовательно, мир не творится, а рождается как бы сам собой.

Такая энергия имеет непосредственное отношение к судьбам любого социального мира.

Понятие энтропии было введено «для того, чтобы отличать обратимые процессы от необратимых» [9]. Согласно первому закону термодинамики, количество энергии во вселенной постоянно. Второй закон термодинамики провозглашает, что общее количество энергии не изменяется, но она стремится к распаду и беспорядку. И. Пригожин и И. Стенгерс писали, что «для классической механики символом природы были часы, для индустриального века, таким символом стал резервуар энергии, запас которой всегда грозит иссякнуть. Мир горит как огромная печь; энергия, хотя она и сохраняется, непрерывно рассеивается» [13].

Каждая цивилизация основывается на определенной идее, которая включает комплекс системообразующих ценностей и норм, составляющих ее парадигму. Постепенно накапливающая внутренняя несостоятельность, свидетельствует об эрозии идеи и исчерпанности той энергии, которая двигала динамику данной цивилизации. В результате чего, рано или поздно с исторической арены исчезает сама цивилизация.

Конечный результат энтропии – смерть.

Никаких круговоротов и циклов, к первоначальному состоянию в мировой истории не было и не могло быть. История человечества движется в направлении стрелы времени, необратимо. Что было один раз, больше никогда, в точности, не повторяется.

Ссылаясь на аналогию О. Шпенглера, можно сказать, что процесс постоянной реализации идеала такой же, как становление жизни, а результат его неумолимо связан со смертью и таит в себе смерть. Он заметил, что «все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы и культуры, но также целые цивилизации» [18]. Развитие всякого процесса необходимо рассматривать и оценивать с учетом его естественных возможностей и пределов. Лауреат Нобелевской премии, изобретатель голографии Д. Габор в 1978 году писал, что развитие процессов в современном мире происходит в основном по экспоненте. Однако лишь в математике показательная функция стремится к бесконечности. В реальной жизни для этой зависимости характерно или резкое падение, или постепенное приближение к некоторому пределу [12]. Постоянное восхождение возможно только при наличии неограниченных духовных и материальных ресурсов. Еще ни одна цивилизация не обладает беспредельной созидательной энергией. Она, в конце концов исчерпывается и умирает или трансформируется, открывая в себе новые творческие силы и возможности.

Историю человечества можно рассматривать как появления, возвышения и упадка цивилизаций и мировых империй, которые основывались на собственных, присущих им идеалах и парадигмах.

Трагическим моментом в истории человека является то, что увидев безжизненное тело сородича, он впервые осознал реальность своей смертности, а также взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего, в котором его земное существование рано или поздно придет к концу. Он начал размышлять о бренности жизни, бессмертии и вечности с осознанием своей смертности. Для человека верной истиной стал факт его смертности. При зачатии он приговорен к смерти. Каждый прошедший день приближает его к смертному часу, так как сделан еще один шаг в вечность. Человеку выписывается билет в небытие через чудовищно короткую земную жизнь без права возвращаться обратно. Прав был Анакреонт, который жаловался: «Тартар тени ждет моей. Не воскреснем из под спуда. Всяк навеки там забыт. Вход туда для всех открыт – нет исхода уж оттуда» [3].

Вера в вечность или бессмертие является символической формулой, созданной человеком для овладения, как говорил П. Рикер «безмерностью космического времени и быстротечностью людской жизни» [15].

Тоска человека по вечности – это молчаливый крик отчаяния, нежелание смириться с неотвратимой судьбой путника из мрака через свет и снова во мрак, из небытия снова в небытие с нераскрытой тайной о том, откуда он пришел, каков его удел, предназначение и куда держит путь. Этот страх порождает мысли о небытии, что, побуждает людей верить в вечный потусторонний мир, куда устремляются бессмертные души.

М. де Унамуно констатировал, что «мы сотворили Бога, чтобы спасти Вселенную от небытия, ведь то, что не есть сознание, и сознание вечное, сознающее свою вечность и вечно сознающее, есть не более чем кажимость, тень бытия» [17]. Бог «необходим для обоснования бессмертия души». Он утверждал, что для большинства людей Бог это, прежде всего, гарант бессмертия, следовательно, вечности [16]. Само понятие Бога теряет смысл, если душа человека не бессмертна. В этом контексте можно согласиться с Х.Л. Борхесом, который отноудь не веря в идею вечности в ее человеческом изменении, тем не менее, писал: «Утверждать, что вечности нет, предполагать, что время, в котором были города, реки, радости и горести, полностью изымается из обращения, так же неоправданно, как и верить в то, что все это можно удержать» [5]. Не случайно божественный Платон говорил, что прекрасна решимость быть бессмертным. Бессмертие, вечность нужна человеку как воздух. Отняв их, мы отнимаем у него надежду.

Человек живет между двумя великими и сакраментальными тайнами рождения и смерти. Никакая нить не способна привести к раскрытию этих тайн, как говорил А. Камю, «у нас нет опыта смерти... У нас есть опыт смерти других, но это всего лишь суррогат, он поверхностен и не слишком нас убеждает» [7]. В своих

попытках проникнуть в эти тайны, человек Древнего мира пришел к выводу, что смерть – это инобытие, а не небытие, и потому здесь важна культура смерти. К ней они готовятся заранее как к центральному моменту жизни. Этим объясняется тот факт, что древние египтяне тщательнейшим и серьезнейшим образом готовились к смерти потому, что они больше всего на свете любили жизнь. Они не к смерти готовились, а к жизни после смерти. Умерший получал счастье и вечное блаженство, если он будет похоронен в гробу или гробнице мумифицированным. Для обеспечения вечности они искали бога – покровителя, царствующего в двух мирах, которым приносили жертвоприношения. Фараон после смерти уходит в ночное странствие, чтобы достичь небесного чертога, воссоединиться с солнечным диском и стать солнцем, т.е. Ра [6].

Пирамиды строили не рабы, а гениальные египтяне, двигаемые идеей коллективного бессмертия.

В древнеегипетской мифологии жизнь, смерть и возрождение расписаны как фазы, где чередуются бытие и небытие, «каждый возвращается туда, откуда пришел, следуя стадиям перевоплощения, чтобы вновь явиться в новом качестве» [14]. Каждый египтянин хотел вернуться в мир, из которого вышел. Смерть тогда не страшна и она имела вечное продолжение в круговороте жизни. Даже солнечный бог восклицает в радости: «Смотри, я вхожу в мир, из которого я произошел, я остаюсь внизу, на месте моего первого рождения» [8]. Вспомним в этой связи слова Заратустры: «Я буду вечно возвращаться к той же самой жизни, в большом и малом, чтобы снова учить о вечном возвращении всех вещей».

Рано или поздно человек будет бунтовать против однообразной вечной жизни. На спокойном, бесконфликтном, счастливом жизненном пространстве Рая появятся свои демоны, которые создадут свои островки Ада. Ведь при творении Рая и его обитателей Бог оставил там место и для Змея Искусителя. Бог и Дьявол в самой природе человека. Они в нас самих и человек просто в антропоморфизированном, персонифицированном виде экстраполируем их на все мироздание [6]. Рай и Ад – в реалиях нашей повседневной жизни.

Жизнь ценна потому, что она редкий и не возобновляемый ресурс и ее никогда никому не хватает. Следовательно, она стоит дороже всех мирских благ. Если жизнь не была так коротка и бесценна, то человек не ценил бы ее и не цеплялся за нее. Дело обстояло совершенно иначе, если человек был бессмертен. По мнению Ф. Ницше смысл мира в том, что в нем нет смысла. Еще более жестче, до него эта мысль была выражена в знаменитой формуле – верую, потому что абсурдно, приписываемой Тертуллиану. Оно выводится из одного места в его трактате «О плоти Христа», которое дало основание приписать ему эту формулу: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно» [16].

Кто пришел к выводу о трагичности, бессмысленности и абсурдности мира выбирали самоубийство – поистине трагический запасной выход, который остается человеку, разочаровавшемуся в жизни и не принявшему ее ценности, либо рано или поздно сходили с ума.

Человек всегда стремился осмыслить эту бессмысленность и абсурдность. Усмотреть в этом можно трагичность человеческого существования и одновременно его величие. Одним из истоков идей сверхчеловека и воли к власти Ф. Ницше была постоянная борьба с неизлечимой болезнью. «Я сделал из моей воли к здоровью, к жизни, мою философию... инстинкт самовосстановления воспретил мне философию нищеты и уныния», утверждал он [10]. Его философия служила в качестве средства борьбы с болезнью.

А. Камю писал: «Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью... Обеднить реальность, которая своей бесчеловечностью подчеркивает величие человека, – значит обеднить самого человека. Понятно, почему всеобъясняющие доктрины ослабляют меня... И я уже не могу представить, как может скептическая метафизика вступить в союз с моралью отречения... Сознание и бунт – обе эти формы отказа – противоположны отречению... Речь идет о смерти без отречения, а не о добровольном уходе из жизни» [7]. Трагизм жизни человека находится в том, что он наделен сознанием.

Выводы. Поднимаясь по спирали прогресса, человеку удавалось взять на себя некоторые функции творения и сотворения мира. Он создает новые материалы, виды энергии путем раскрытия заложенных в самой природе возможностей. Смертный человек всегда завидовал бессмертным богам. Стремясь быть сверхчеловеком и равным богам, он сносил их с пьедесталов, чтобы самому занять их место. Это объясняется стремлением его сделать невозможное возможным, скрестить параллельные линии и т.д.

Источники и литература:

1. Августин Аврелий. Исповедь. / Августин Аврелий. – М. : Дарь, 1991. – Кн. 11. – С. 297.
2. Аристотель. Сочинения / Аристотель. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1 : Метафизика, IX, 2. – С. 381-393.
3. Анакреонт. Поредели, побелели / Анакреонт // Античная литература. Греция : ч. 1. – М. : Мысль, 1989. – С. 121.
4. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. – М. : КАНОН – пресс; Кучково поле, 1998. – 206 с.
5. Борхес Х. Л. История вечности / Х. Л. Борхес // Сочинения : т. 1 / Х. Л. Борхес. – М. : Полярис, 1997. – С. 187.
6. Гаджиев К. С. Апология Великого Инквизитора / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2005. – № 4. – С. 3-22.
7. Камю А. Абсурдное рассуждение / А. Камю // Бунтующий человек / А. Камю. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – С. 416.
8. Кинг А. Первая глобальная революция / А. Кинг, Б. Шнайдер. – М. : Прогресс - Пангея, 1991. – 344 с.

9. Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем / Г. Люббе // Вопросы философии. – М. : Наука, 1994. – № 4. – 336 с.
10. Ницше Ф. Сочинения / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2 : Ессе homo. – 829 с.
11. Платон. Собрание сочинений / Платон. – М. : Мысль, 1994. – Т. 4 : Тимей. – 654 с.
12. Плотин. Сочинения / Плотин. – СПб. : Алетейя, 1995. – 672 с.
13. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1988. – 432 с.
14. Померанцева Н. А. Эстетические основы искусства Древнего Египта / Н. А. Померанцева. – М. : Искусство, 1985. – С. 52.
15. Рикёр П. В согласии со временем / П. Рикёр // Курьер ЮНЕСКО. – М. : Гос. изд-во иност. л-ры, 1991. – Июнь. – 40 с.
16. Тертуллиан. Избранные сочинения / Тертуллиан. – М. : Прогресс, 1994. – 448 с.
17. Унамуно М. де. О Трагическом чувстве жизни у людей и народов / М. де Унамуно. – М. : Символ, 1997. – 416 с.
18. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М. : Эксмо, 1924. – 800 с.